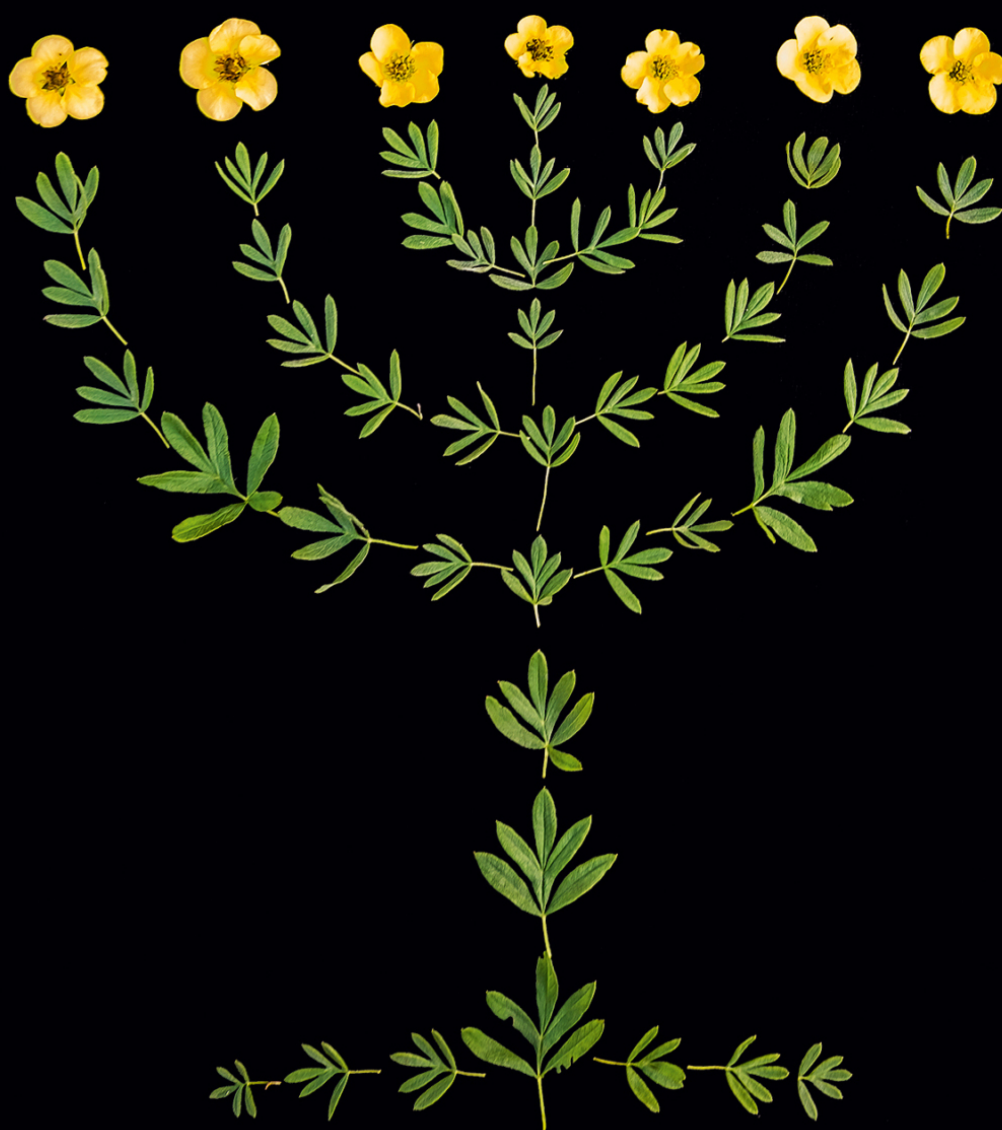

СВЯЩЕННИК
АЛЕКСАНДР
САТОМСКИЙ

СВИТКИ

СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ
ЗНАКОВЫХ ТЕКСТОВ
БИБЛИИ

Библеистика

Александр Сатомский

**Свитки. Современное прочтение
знаковых текстов Библии**

«Никея»

2022

УДК 22.09
ББК 86.3+86.372

Сатомский А.

Свитки. Современное прочтение знаковых текстов Библии /
А. Сатомский — «Никея», 2022 — (Библеистика)

ISBN 978-5-907628-79-3

В книге, продолжающей серию «Библеистика», представлен опыт современного прочтения самых, может быть, ярких книг Ветхого Завета — это Екклесиаст, Есфирь, Песнь Песней, Руфь и Плач Иеремии. Комментарии автора, составленные в духе святоотеческой традиции и с привлечением вовсе незнакомых православному читателю иудейских толкований, не только информативны, но и дышат миссионерским пылом, легко читаются и заражают читателя любовью к Священному Писанию. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 22.09
ББК 86.3+86.372

ISBN 978-5-907628-79-3

© Сатомский А., 2022
© Никея, 2022

Содержание

Введение	6
Комментарий к Книге Экклесиаст	8
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Священник Александр Сатомский Свитки. Современное прочтение знаковых текстов Библии

НИКЕЯ

© ООО ТД «Никея», 2022

Введение

Ветхий Завет – эти два слова чаще всего рожают у современного человека ассоциации с «Кодексом Хаммурапи» или «Эпосом о Гильгамеше»: некий текст, пришедший из допотопных времен., когда солнце светило вдвое ярче, а культурные герои освобождали мир от чудовищ, чтобы облегчить жизнь благодарным потомкам. Конечно же, он оказал серьезное влияние на европейскую цивилизацию, а для христианина является еще и вероучительным источником, частью Священного Писания – увы, крайне мало востребованной на практике. С Новым Заветом верующий привык соотносить свою жизнь – а что делать с Паралипоменом или Свитком Есфири? И ветхозаветные книги остаются «делами давно минувших дней» и «преданиями старины глубокой». Но такой подход обедняет нашу внутреннюю жизнь и даже само понимание евангельского благовестия. Слово Христово прозвучало не в вакууме, оно было произнесено на конкретном языке в конкретной культуре – что и составляет предмет современной библиистики, изучающей текстологию и культурно-исторический контекст.

О предельной значимости ветхозаветных текстов для спасения свидетельствует апостол Павел, говоря своему ученику Тимофею: *Ты из детства знаешь священные писания, которые могут умудрить тебя во спасение верою во Христа Иисуса. Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности, да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен* (2 Тим. 3: 15–17). Писанием апостол называет именно ветхозаветные тексты – в то время Павловы послания еще не были собраны в единый корпус, а Евангелий и вовсе не существовало.

В книге, которую вы держите в руках, представлена авторская экзегеза с обращением к святым отцам и раввинистической традиции – комментарии на ряд не самых востребованных в православном учительстве ветхозаветных текстов: корпус **Хамеш Мегилот** – «Пяти свитков». Это книги Екклесиаста, Есфири, Песни Песней, Руфи и Плача Иеремии. Из них, пожалуй, только Екклесиаст и Песнь Песней привлекли достаточное внимание христианских толкователей.

Для чего современному христианину детальное преломление смысла этих «глубоко факультативных» для веры и благочестия текстов? Ответ может оказаться значительно проще, чем видится в первом приближении: вполне вероятно, что во время земной жизни Спасителя они использовались в синагогальном богослужении – читались в главные праздники года. Иисус же со Своими учениками участвовал в синагогальных собраниях, как свидетельствуют об этом евангелисты (Мк. 1: 39; Лк. 4: 15–30, 33–37, 44), и праздновал религиозные праздники, приходя в Иерусалим на Песах, Хануку и Суккот (Ин. 2: 13–23; 7: 2–52; 10: 22–42).

Всякий верующий иудей по субботам поучался в Законе (**Тора**) и небольшом отрывке пророческого текста (**гафтара** – «заключение»), а в дни праздников целиком прослушивал книги: на Песах – Песнь Песней, в Суккот – Екклесиаста, в Шавуот – Руфь, 9 Ава – Плач Иеремии и на веселый Пурим – Есфирь. Иисус говорит о Себе, что в Своем служении Он больше Соломона (Лк. 11: 31), автора Екклесиаста и Песни Песней; что Он – Господин Давида, происходящего от Руфи (Мк. 12: 37), ревнует о Доме Божием вместе с Иеремией пророком (Мф. 21: 13); и, по Павлову слову, Он – Избавитель, чаемый как последняя надежда Мардохея, приговоренного злодеем Аманом к повешению на древе (Гал. 3: 13).

Почему при прочтении ветхозаветных книг для нас важно и необходимо обращение к иудейской экзегезе? Не говорит ли апостол Павел, что доньше Израиль лишен полноты понимания собственных Писаний из-за непринятия истинного Мессии – Иисуса из Назарета Галилейского: *Доньше, когда они читают Моисея, покрывало лежит на сердце их; но когда обращаются к Господу, тогда это покрывало снимается* (2 Кор. 3: 15–16), – то есть в иудаизме после апофеоза Креста бессмысленно искать зерна религиозной истины? Но, если к святым отцам,

толкующим Писание, мы обращаемся за духовным пониманием текста, то раввинистический комментарий погружает нас в атмосферу, в культурный и языковой контекст – иудейская экзегеза внимательна к игре слов, к многозначности, раскрывающей дополнительные смыслы. А кроме того, свидетельствует апостол Павел, история отношений Церкви и синагоги не так уж однозначна и в эсхатологической перспективе у благого Бога есть Свой план о возвращении этой маслины к животворящему корню (см. Рим. 11: 17–29). Мы же, как соработники у Бога (1 Кор. 3: 7), должны со своей стороны прикладывать усилия, чтобы и это дело Господне приближалось к свершению, и трудиться над наведением мостов – постигать традиции, столь своеобразно развившиеся за период долгого отчуждения. Как двое братьев после долгих лет разлуки показывают друг другу семейные фотографии, сопровождая каждую подробными объяснениями...

Итак, пусть это обращение к двум ярчайшим интеллектуальным и духовным традициям послужит всякому читающему к обновлению перспективы восприятия Слова Божия и через это – своих отношений с Богом-Троицей Единосущной и Нераздельной!

Комментарий к Книге Экклесиаст

תְּהִלָּה

Итак, перед нами одна из самых сложных и противоречивых книг всего библейского корпуса – Экклесиаст, Книга Проповедника. Мы привыкли к высокому стилю библейских текстов, к тому, что с их страниц звучат безусловная надежда и ободрение. Поэтому для человека, впервые сталкивающегося с писанием древнего мудреца – Проповедника, или Когелета, как именуется это служение на иврите, – его слова могут показаться абсолютно диссонирующими со всем библейским повествованием. Нигилизм, буйным цветом до Деррида и Бодрийяра цветущий постмодерн – так при первом прочтении можно охарактеризовать Книгу Экклесиаст.

Сразу замечу, что данное издание не претендует на полномасштабное комментирование текста, в мою задачу не входило плотно, стих за стихом разобрать сложнейшее полотно. Цель этого издания – показать место каждого конкретного текста в макротексте – Библии, дать ключи к самым неоднозначным фрагментам, показать, как текст живет в классических комментариях экзегетов христианской и иудейской традиции. Словом, создать общую, скорее, лишь в проекте существующую систему координат, в которой читатель сумеет увидеть Солнце Правды, не заплутав во время прогулок по литературным лесам.

Приступая к чтению, необходимо определиться с базовыми константами – временем и местом написания, личностью автора и базовой структурой текста, увидеть его внутреннюю логику. По каждому из этих пунктов исследователи Экклесиаста предлагают множество ответов, ни один из которых не может претендовать на абсолютную достоверность. Не погружаясь в споры библеистов, отметим, что до XVI века как в иудейской, так и в христианской среде автором книги считался Соломон – на основании первого стиха: *Слова Экклесиаста, сына Давидова, царя в Иерусалиме* (Еккл. 1: 1). Однако современные библеисты, выявив в книге значительное количество слов из арамейского языка, нехарактерных для библейского иврита, пришли к выводу о более позднем, по всей видимости, послевоенном происхождении текста и отнесли его к VI веку до Рождества Христова.

Неудивительно, что датировка вызывает дискуссии, ведь ни один текст не существует в вакууме; обратившись к близким нам славянским памятникам, мы увидим, что даже такой священный текст, как Евангелие, никогда не стагнировал в языковом смысле – вслед за изменениями в разговорной и письменной речи славян происходили соответствующие изменения в переводе Писания. Таким образом, словарь Елизаветинского Евангелия (1751) сильно отличается от словаря Остромирова Евангелия (1056–1057). Речь не идет об изменении смысла, мы говорим лишь о форме (например, в рукописях мы наблюдаем дрейф от слова *живот* к слову *жизнь*).

То же самое, по всей видимости, происходило с еврейскими памятниками, когда традиция соферов – писцов, буква в букву переносящих священные тексты, – еще не сформировалась (нормализация текстов вновь началась примерно со второй половины II века по Р.Х.). Поэтому наличие арамеизмов в книге Экклесиаст вполне может быть объяснено последующей редакторской правкой. На то, что правка была, указывают и еврейские источники. Талмуд, перечисляя авторов библейских книг, говорит, что при Иезекии и его приближенных были написаны и Притчи, и Экклесиаст, и Песнь Песней (Вавилонский Талмуд, Бава батра, 1). То есть с точки зрения еврейских мудрецов, между моментом составления этих текстов Соломоном (на чем настаивает еврейская религиозная традиция) и их известной нам формой, зафиксированной писцами Иезекии, прошло более 250 лет.

Верхней границей написания текста можно считать вторую половину II века до Рождества Христова: к этому времени относится фрагмент книги, найденный среди рукописей Кумрана.

Авторство и время написания остаются для нас загадкой, так как и первый стих, упоминающий сына Давидова, царя Иерусалима, и последние стихи, говорящие, что Екклесиаст был мудр и собрал множество притч, по всей видимости, являются редакторскими вставками в текст, выполняя функцию введения и заключения.

Итак, перед нами текст мудреца, объявляющего себя или действительно бывшего властителем Израильского царства, и датируется этот текст в очень широких границах – от первой половины X века до II века до Рождества Христова. Вслед за традиционной экзегезой мы считаем автором этих наставлений мудрейшего из царей – Соломона, сына Давидова, испросившего у Бога важнейший из даров – мудрость.

Сказать что-либо определенное о структуре книги, увы, также не удастся: в этом вопросе отсутствует единомыслие, представлено множество точек зрения, от деления текста на двенадцать смысловых отрывков до полного отказа видеть в книге хоть какую-то осмысленную структуру. Безусловно определяются лишь введение, ограниченное 1-11-м стихами первой главы, и двойной эпилог переписчиков (12: 9-14).

Глава 1

Слова Екклесиаста, сына Давидова, царя в Иерусалиме. Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, – все суета! Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем? Род проходит, и род приходит, а земля пребывает веки. Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои. Все реки текут в море, но море не переполняется: к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь. Все вещи – в труде: не может человек пересказать всего; не насытится око зрением, не наполнится ухо слушанием. Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но [это] было уже в веках, бывших прежде нас. Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после (Еккл. 1:1-11).

Относительно авторства мы уже условились, что соглашаемся с позицией Святых Отцов. Святитель Григорий Неокесарийский: «Так говорит Соломон, сын Давида царя и пророка, славнейший пред всеми людьми царь и мудрейший пророк всей Церкви Божией» (Переложение Екклесиаста, I). Соломон говорит всему собранию верующих, от Израиля Ветхого Завета до Церкви как Нового Израиля Нового Завета. Эту веру разделяют все отцы Церкви и учителя Израиля. Потому автор и назван Екклесиастом – от греческого *екклессия*, то есть собрание; слово *Екклесиаст* параллельно еврейскому **когелет**, «говорящий собранию, проповедник», – причастию от глагола **кахаль**, «собирать, созывать»; **когелет** – слово уникальное для Библии и упоминается только в данной книге. Приведем, кстати, оригинальное мнение одного из иудейских толкователей: рабби Бин-Нун видит в Книге Екклесиаст полилог – несколько голосов, озвучивающих разные подходы к жизни и потому часто вступающих в противоречие. Поэтому, с его точки зрения, автор назван Когелетом, то есть «собирающим» – но собирающим не собрание внешних людей, а своего внутреннего человека воедино. С этим мнением солидарен и святитель Григорий Великий, в своих «Диалогах» замечаящий о Екклесиасте: «Так, выражая прежде удовольствие плотских людей, преданных заботам, возвещает [он], что хорошо есть и пить. То же самое потом, по суду разума, отвергает, когда говорит, что лучше идти в дом плача, нежели в дом пира» (Диалоги, 4.4).

Среди единогласного хора христианских толкователей, уверенных в Соломоновом авторстве, выделяется мнение главы Александрийской огласительной школы Дидима Слепца, говорящего, что, во-первых и главных, для Священного Писания важно, что его автор – Дух, которому содействует кто-то из просвещенных людей. То есть неважно, чтобы это был именно Соломон: «Или Соломон написал их, или кто-то написал из мудрых. И более предпочтительно для нас последнее, дабы не казалось кому-либо, что тот, кто их высказал, говорит о себе» (Комментарии на Екклесиаста, 7.9). То есть Соломонов авторитет может оказаться для читателя избыточным, а личность автора – задавить авторитетом смысл текста.

«Суета сует, все суета», **«гевель гевалим»** – пожалуй, это одно из самых известных и расхожих библейских выражений. **Гевель** – «тщета», буквально «пар», «туман», нечто несущественное, практически не существующее, пустое. Интересно, что это слово – однокоренное с именем сына Адама – Авеля. В первых родах Ева ожидала обрести того самого Потомка, который исправит аффекты грехопадения и сотрет главу змея, потому и назвала первого сына Каином – от **кина** «приобретение». Когда же она зачинает и рождает вновь, то понимает, что отныне это просто часть ее жизни, а не избавление, и называет второго сына «тщета, пустая надежда».

Мудрецы Израиля считают, что в многократно повторенном указании на тщетность и бессмысленность Соломон указывает на обесцененность в его глазах абсолютно всего, что бытийствует в мире, всего, что появилось в рамках семи дней творения. Такую позицию не разделяют христианские отцы. Свт. Иоанн Златоуст говорит, что «не дела Божии назвал он суетными – нет, не небо суетно... не тело наше. Все это – хорошо весьма (Быт. 1: 31). Что же суетно? Послушаем что говорит сам Екклесиаст: посадил себе виноградники... завел у себя певцов и певиц, и вот, все – суета и томление духа» (Еккл. 2: 4–8,11)» (Творения. Т. 11. Кн. 1. С. 107). То есть негативизм Соломона направлен не против творения, но говорит о тщетности и мимолетности человеческих трудов, на что указывает и конкретизация внутри самого фрагмента, где после «все суета» идет речь о пользе того, что делает человек в мире, – о пользе его дел «под солнцем». Комментаторы уточняют, что не всякое дело бесполезно, вклад человека в то, над чем не властно время, обозначаемое движением солнца, имеет смысл и цену – «в трудах исследования духа человека есть выгода, ибо дух не подвластен времени», говорит Ибн Эзра (Свиток Когелет, 35). Согласен с ним и Дидим Слепец, утверждая, что «трудящийся... над тем, что возводит к вечному, к незримому, много чего приобретает: из человека становится богом, и из презренного – могущественным, и из боязливой – мужественным» (Комментарии на Екклесиаста, 11.18). Сложно сказать насколько подобное видение толкователей соотносится с мнением автора, который в следующих главах сомневается в мудрости как таковой.

Царь Израиля соотносит труды человека с вечным бегом творения. Все идет в рамках своего цикла, все взвешено, ровно и закономерно – движение светил, течение вод и сам бег времени. И бытие человечества может быть оценено в тех же макромасштабах – как смена родов, в сравнении с которой жизнь одного человека, даже самого блистательного, не более чем капля в вечно текущих водах.

Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Важно: указание на цикличность в мире природы никоим образом не переносится автором на мир людей как идея цикличности бытия социума, а уж тем более – отдельного человека. Пусть человеческое бытие быстротечно, но единственно, неповторимо; об этом скажет подробно последняя, двенадцатая глава книги. Из комментаторов на этом настаивает блаженный Августин, утверждая, что нет ничего общего между воззрениями Екклесиаста и греческой философией, например Платоном, указывающим на цикличность в бытии мира: «Чуждо... это нашей вере. Ибо Христос однажды умер за грехи наши; восстав же, уже не умирает...» (О граде Божьем, 12.13). Идея линейной истории – один из основных культурных даров Библии европейской цивилизации.

Здесь же мы видим указание на то, что социум состоит из одних и тех же феноменов, являет себя одними и теми же ликами – любовью и ненавистью, смирением и спесью и т. д. Это константы, присутствующие в мире людей, несмотря на изменения внешних условий жизни. Факт течения истории Библия не просто не отрицает, а утверждает, одна только Книга Бытия говорит: вот первые одежды, которых не было доселе, вот первый пастух, первый земледелец, первые жертвоприношения, кузнец, музыкант, город, множественные языки народов... Мысль Екклесиаста скорее созвучна словам Христа: *...как было во дни Ноя, так будет и в пришествие Сына Человеческого: ибо, как во дни перед потопом ели, пили, женились и выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег, и не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех, – так будет и пришествие Сына Человеческого...* (Мф. 24: 37–38) – то есть жизнь наполнена тем же, чем и все дни человечества, и нет принципиальной разницы, вскипает ли зависть к обладателю палки-копалки или тринадцатого айфона, рождается ли новая жизнь в темной пещере или в светлом родильном зале – это лишь смена декораций, много привносящая, но не влияющая на роли и их исполнителей.

Я, Екклесиаст, был царем над Израилем в Иерусалиме... (Еккл. 1:12).

Это первый стих основной части текста. Важно отметить, что упоминание авторского «я» достаточно структурировано в рамках книги. В ее начале авторскому эгоцентризму уделено немало места – «я» встречается более чем регулярно. Всего в 12 главах – 29 раз, не считая глаголов в первом лице, требующих при переводе на русский дополнительный использования «я». В первых главах нигилист Соломон без ложной скромности перечисляет все свои эксперименты и опыты над реальностью: я видел все, я устроил, я насадил, я завел себе, я решил испытать... К середине повествования эго начинает уходить на второй план, появляются обращения ко второму лицу: «не торопись устами», «не говори», а в конце авторской части книги – и третье лицо: *Суета сует, сказал Екклесиаст, всё – суета!* (Еккл. 12: 8). С уменьшением эго-выражений все чаще мы видим стихи, упоминающие Творца, практически отсутствующие в первой части и регулярно звучащие в последних главах.

Соотнесенность автора с сыном Давида и царем Израиля наводила христианских комментаторов на параллель между Соломоном и Христом, называемым в таком случае «истинным Проповедником», которого прообразует ветхозаветный Екклесиаст – Соломон. О взаимоотношениях текста Екклесиаста не только с другими текстами Ветхого Завета, но и с учением Христа подробнее скажем в следующих главах.

...И предал я сердце мое тому, чтобы исследовать и испытать мудростью все, что делается под небом: это тяжелое занятие дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в нем (Еккл. 1:13).

Повествование начинается с утверждения взаимосвязи Соломона с мудростью – *предал я сердце мое*. В том или ином виде и Притчи, и поздняя Премудрость Соломона упомянут о случае, произошедшем с молодым царем в Гаваоне, где ему явился Господь и спросил, что юноша желает получить. Соломон просил мудрости (см. 3 Цар. 3: 5) и знания (см. 2 Пар. 1: 10), которые и получил с избытком.

Этот стих оставляет возможность разночтений. Часто он понимается так: «И обратил я сердце мое, чтобы мудростью изучить и исследовать все, что делается под небесами; дурное дело возложил Бог на сынов человеческих, чтобы томились им». Соломон обратил свой мудрый взор и понял, что все, что делает человек под небесами, дурное и отягощающее его дело. Тем самым автор согласуется с Книгой Бытия – Бог, говоря о результатах человеческого грехопадения, обращается к Адаму: *...проклята земля за тебя; в муках будешь питаться от нее все дни жизни твоей.....в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю...* (Быт. 3: 17, 19).

Но другие варианты текста дают совершенно иной смысл, здесь «тяжелым занятием», в котором должны упражняться люди, названа не работа вообще, а именно испытание мудростью всего, что делается в мире. Тогда вспоминается совсем другой фрагмент Бытия, не связанный с грехопадением, а, наоборот, указывающий на изначальный замысел Бога о человеке: *Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым...* (Быт. 2: 19–20), то есть интеллектуальная работа – это труд, сложный, но благословленный Богом, желающим через него взрастить и образовать человека должным образом в ту меру, которую Он задумал. Такое понимание не совершенно чуждо и израильским толкователям, но встречается лишь как один из вариантов стиха у Ибн Эзры (Свиток Когелет, 50).

Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, все – суета и томление духа! (Еккл. 1:14).

Таргум на Книгу Екклесиаст – текст, являющийся расширенным пересказом классического памятника с иврита на арамейский, – уточняет: «все людские дела». Тогда как отец христианского богословия Ориген замечает, что суете подвержены не только дела человеческие, и вспоминает слова апостола Павла: *...тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее...* (Рим. 8:20), по воле Бога соподчинившего творение его венцу – человеку и из-за падения человека и тварь увлекшего в тление (см. Быт. 3:14–19). Потому призрачность, эфемерность результата и близость распада сопутствует не только делам человеческим, но и природе, будь то живой или не живой.

Кривое не может сделаться прямым, и чего нет, того нельзя считать (Еккл. 1:15).

Выражение, которое можно наполнить произвольными смыслами, наподобие классического «нельзя объять необъятное» Козьмы Пруtkова.

Так, например, иудейские комментаторы выводят отсюда совершенно нехарактерную для автора мысль о том, что искривленное при жизни невозможно выправить после смерти: «В этом мире искривленное еще можно выправить, а недостающее восполнить, но в грядущем искривленное нельзя будет выправить, а то, чего недостает, уже не восполнить» (Когелет раба, 1.38). Данный комментарий представляется совершенно избыточным ввиду полнейшего молчания Екклесиаста о связи жизни на земле с каким-либо воздаянием в посмертии, да и в целом – неоднозначности для него самой идеи посмертного бытия. В 3-й главе он говорит: *Кто знает: дух сынов человеческих восходит ли вверх, и дух животных сходит ли вниз, в землю?* (Еккл. 3: 21), а в 12-й: *И тогда тело вернется в землю, откуда оно и было взято, а дух вернется к Богу, Который дал его* (Еккл. 12: 7).

Говорил я с сердцем моим так: вот, я возвеличился и приобрел мудрости больше всех, которые были прежде меня над Иерусалимом, и сердце мое видело много мудрости и знания. И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость: узнал, что и это – томление духа; потому что во mnogой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь (Еккл. 1:16–18).

Важный прием – разговор автора с самим собою, в данном случае со своим сердцем. Есть исследования, в которых изучается взаимосвязь Книги Екклесиаста с другими образцами ближневосточной литературы мудрых, а именно с египетскими и месопотамскими источниками. Диалог со своим сердцем или душой – характерная черта, объединяющая Екклесиаст с древней египетской литературой, где диалог с душой – со своим Ба – встречается в «Разговоре разочарованного со своим Ба», в «Размышлениях Хахаперрасенеба со своим сердцем», где автор говорит: «Обратился он к сердцу своему: приди же ко мне [сердце мое], дабы поговорил я с тобою», или в другой строке: «Я обращаюсь к тебе, сердце мое! Ответь мне. Не безмолвствует сердце, когда к нему обращаются».

От рассуждения с самим собою Соломон переходит к практическому выводу – одной теории мало, нужно познать, то есть получить опыт жизни в мудрости и следования путем глупости, чтобы из эмпирики иметь возможность суждения о том и другом. Описанию этого опыта будут посвящены следующие главы книги.

Заканчивается глава самым любимым выражением всех гносеомахов – борцов со знанием и ученостью. Как преподаватель в ряде учебных заведений, я часто слышу эту цитату от своих студентов, и очников, и заочников, оправдывающих свое незнание предмета: *во mnogой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь*. С точки зрения еврейских комментаторов, в этом стихе Соломон лишь констатирует существующий порядок

вещей, но вовсе не утверждает, что для человека бессмысленно или тем более вредно умножать мудрость. Мудрец, умножая познание, не может не скорбеть, видя падение и несовершенство мира. Но его труды вносят в этот мир толику совершенства и праведности, поэтому они нужны и благословенны Богом. Приобретение мудрости можно сравнить с вредным производством, плоды которого нужны многим, но процесс причиняет урон добывающему.

Глава 2

В конце первой главы Соломон описал принятие решения «познать», то есть принять опыт, исследовать пути мудрости и глупости. Вторая глава рассказывает, что из этого вышло.

Сказал я в сердце моем: «дай, испытаю я тебя весельем, и насладись добром»; но и это – суета! О смехе сказал я: «глупость!», а о веселье: «что оно делает?» (Еккл. 2:1–2).

Вопрос смеха системно не рассматривается в Библии. В общем это неудивительно: Священное Писание преисполнено человеческими эмоциями во всей полноте их палитры и ни в одной из них человеку не отказывает, но в зависимости от ситуации оценивает различно. Необходимо отметить, что такие явления, как смех и радость, не параллельны друг другу. Бог многократно радуется, *полнота радости – перед лицом Его* (Пс. 15: 11), и совершенная радость человека – от соучастия в жизни Бога, потому и пришествие Христа в мир ведет к совершенной радости верующих (см. Ин. 17: 13). Смех – одно из выражений радости, тогда он благ. Но он же может выражать и целый ряд негативных внутренних переживаний.

Пример того, как одна и та же ситуация вызывает разные варианты смеха, – обещание Аврааму и Сарре, что у них родится сын. Услышав обетование о рождении ребенка, преисполненный радости и благодарности Творцу, Авраам благодарит Бога, и в этой хвале слышен смех: *И пал Авраам на лице свое, и рассмеялся, и сказал сам в себе: неужели от столетнего будет сын?* (Быт. 17: 17), но, услышав у шатра Авраамова ту же весть, Сарра внутренне усмехнулась, и в этой усмешке, возможно, даже не тронувшей губ, сказала не радость, а скепсис – *Сарра внутренне рассмеялась, сказав: мне ли, когда я состарилась, иметь сие утешение?* (Быт. 18: 12). Этот скепсис отмечен и не приветствуем Богом. В Новом Завете радость и смех в свете нового дня вечности обещаны притесняемым – *Блаженны плачущие ныне, ибо воссмеются* (Лк. 6: 21).

Смех, о котором говорит Соломон, передан словом **меголаль**, и в зависимости от того, к какому корню оно восходит, толкователи оценивают его значение и, соответственно, смысл и повод к смеху, о которых говорит автор. Смех может быть безумен, если производить определение смеха от необузданности (**го-лелут**): тогда речь идет не о смехе как таковом, но о безудержном кураже, потере внутренних берегов. Может идти речь о смехе «разбавленном» (**махаль**): это слово указывает на неполную радость, доступную в здешнем мире, смешанную со скорбью и страданием. То есть Соломон, как перфекционист, может отказываться от неполновесной радости, которая, как и смех, разбавлена, то есть оканчивается скорбью.

Талмуд понимает **меголаль** как «прославленный», производное от **галель** «хвалебная песнь», при этом смысл получается абсолютно противоположный: смех не безумен, а прославлен, но только не в контексте отрывка, где сказано, что веселье – тщета и от радости нет проку. Нам приходится остановиться на одном из ранее предложенных вариантов: смех либо «безумен» – необуздан, либо «разбавлен» – не полон. Раши, виднейший средневековый толкователь Талмуда, сокрушается: «Что в ней [радости] хорошего, если она всегда кончается скорбью».

А что же христианские толкователи? Григорий Нисский в комментарии на данный стих непреклонен: смех, с его точки зрения, есть «не слово, и не дело какое-либо... но непристойное разверзание телес» (Точное истолкование Екклесиаста Соломонова, беседа 2), то есть не более чем бессмысленное разевание рта. Святитель Василий Великий мягче оценивает положительные эмоции и указывает, что «душевную радость изъяснить светлой улыбкой не противно приличию» (Правила, пространно изложенные в вопросах и ответах. Правило 17), ссылаясь на Притчи: *Веселое сердце делает лицо веселым...* (Притч. 15: 13); но он также является противником ярко выраженного смеха, приводя в пример заповеди блаженств, где Христос говорит

о «смеющихся ныне», которые восплачут (см. Лк. 6: 25). Можно увидеть сходство между словами Спасителя и мыслью израильских законоучителей в том, что истинный и полновесный смех – удел будущего века, когда смех не будет омрачен никаким страданием.

Учтем, конечно же, что святитель Василий пишет о смехе в книге «Пространные аскетические правила», то есть предназначает свои рекомендации для монашеской жизни. Здесь же святитель приводит мысль (великолепно обыгранную позже Умберто Эко в «Имени Розы») о том, что Христос не смеялся. К теме смеха мы еще вернемся.

Вздумал я в сердце моем услаждать вином тело мое и, между тем, как сердце мое руководилось мудростью, придерживаться и глупости, доколе не увижу, что хорошо для сынов человеческих, что должны были бы они делать под небом в немногие дни жизни своей (Еккл. 2: 3).

Соломон принимает решение пуститься по пути гедонизма, полностью осознавая, насколько он далек пути мудрости и созерцания. То есть он уже обладает мудростью и понимает, каков ее плод, но для чистоты эксперимента желает приобщиться и к другому типу жизни. Нужно отметить, что такого рода логика – опробовать все на себе – провальна, от библейских примеров – Адама и Евы – до нашей собственной жизни.

О горести на пути мудреца было сказано выше – почему многая мудрость рождает скорбь. И автор пытается, укоренив сердце в мудрости, разбавить жизнь простыми удовольствиями и увидеть, какой путь предпочтительнее, учитывая конечность и быстротечность человеческой жизни.

Далее Соломон делится успехами и достижениями на своем пути, и, стоит заметить, это совсем не то, что мы сейчас бы осмыслили как «услаждение» или тем более «путь глупости» или веселья. Скорее, здесь идет речь о созидательном труде.

Я предпринял большие дела: построил себе дома, посадил себе виноградники, устроил себе сады и роции и насадил в них всякие плодовые деревья; сделал себе водоемы для орошения из них роцей, произрастающих деревьев; приобрел себе слуг и служанок, и домочадцы были у меня; также крупного и мелкого скота было у меня больше, нежели у всех, бывших прежде меня в Иерусалиме; собрал себе серебра и золота и драгоценностей от царей и областей; завел у себя певцов и певиц и услаждения сынов человеческих – разные музыкальные орудия. И сделался я великим и богатым больше всех, бывших прежде меня в Иерусалиме; и мудрость моя пребыла со мною. Чего бы глаза мои ни пожелали, я не отказывал им, не возбранял сердцу моему никакого веселья, потому что сердце мое радовалось во всех трудах моих, и это было моею долею от всех трудов моих (Еккл. 2: 4-10).

Созидательные труды Соломона прославлены в веках. Они казались столь великими, как современникам, так и потомкам, что впоследствии возникли легенды, в которых описано, как Соломон подчинил себе духов тьмы и они помогали ему в строительстве дома для Господа и дома царского, как на Сионе он нашел жилы всех земель, расходящиеся оттуда как из центра мира, потому и сады его производили всевозможные фрукты и овощи, будучи посаженными на соприродных себе землях.

Но, даже не беря в расчет поздние легенды, можно процитировать самую известную гостью Соломона – царицу Савскую, сказавшую: ...верно то, что я слышала в земле моей о делах твоих и о мудрости твоей, но я не верила словам о них, доколе не пришла и не увидела глазами своими. И вот, мне и вполнину не сказано о множестве мудрости твоей: ты превосходишь молву, какую я слышала. Блаженны люди твои, и блаженны сии слуги твои, всегда предстоящие пред тобою и слышащие мудрость твою! (2 Пар. 9: 5–7). Такого могущества

и такой площади государство Израиля после царствования Соломона более никогда не достигало.

Итак, Соломон велик, богат и мудр. И последний пункт – самый важный. Именно благодаря тому, что *мудрость моя пребывала со мною*, удались все эти начинания, простого гедонистического настроя было бы, конечно, недостаточно.

Святые Отцы указывают, что из перечисленных трудов одни могут почитаться как естественные и благословенные, как, например, насаждение садов и ирригация – орошение (по святителю Амвросию, см. Об Исааке, или О душе, 4.25–26), что согласуется с благой заповедью о труде, данной людям до грехопадения: *...взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его* (Быт. 2: 15), – созидаящий труд благословен Богом. Но другие труды, а точнее рабский труд, обладание человека человеком, есть великое зло. И говорят об этом не только деятели эпохи борьбы с апартеидом, но и некоторые из отцов, живших во время расцвета рабовладельческого строя – в период поздней Античности. Святитель Григорий Нисский: «Что из перечисленного: дорогой ли дом, красота ли садов... показывает кичливость? Сколько имеет ее в себе тот, кто, будучи человеком, почитает себя владыкою единоплеменников?.. Екклесиаст говорит – приобрел себе слуг и служанок... какое высокомерие!.. Кто своим достоянием делает достояние Божие, роду своему уделяя власть почитаться господином мужей и жен, тот... преступает в гордыне самое естество, смотря на себя как на нечто отличное от подчиняющихся ему... Разве забыл ты пределы власти, что начальство твое ограничено надзором над бессловесными?» (Точное истолкование Екклесиаста Соломонова, Беседа 4).

И оглянулся я на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая [их]: и вот, все – суета и томление духа, и нет [от них] пользы под солнцем! (Еккл. 2:11).

Стих подводит нас к размышлению автора о ценности трудов как деятельного пути и мудрости как пути созерцания. Размышление предваряется выводом: пути эти суетны. Почему – расскажут последующие стихи. Итак, первый фрагмент, размышление о ценности мудрости.

И обратился я, чтобы взглянуть на мудрость и безумие и глупость: ибо что [может сделать] человек после царя [сверх того], что уже сделано? И увидел я, что преимущество мудрости перед глупостью такое же, как преимущество света перед тьмою: у мудрого глаза его – в голове его, а глупый ходит во тьме; но узнал я, что одна участь постигает их всех. И сказал я в сердце моем: «и меня постигнет та же участь, как и глупого: к чему же я сделался очень мудрым?» И сказал я в сердце моем, что и это – суета; потому что мудрого не будут помнить вечно, как и глупого; в грядущие дни все будет забыто, и увь! мудрый умирает наравне с глупым (Еккл. 2:12–16).

В большом блоке текста рассматривается мудрость. К ряду тем Екклесиаст будет возвращаться регулярно, и сравнение мудрости и глупости – одна из них. Соломон признает, что разница между мудростью и глупостью такая же, как между светом и тьмою. Мудрость подобна свету: позволяет видеть истинный облик всякой вещи, то есть содействует и способствует правде – в свете мудрости правде живется проще всего, так как все пронизано светом и все видно как есть, без пелены неоднозначности или сомнения. Глупость же, по аналогии, подобна тьме, скрывающей истинную суть вещей, скрадывающей очертания, почему при глупости и не может водвориться правда.

Глаза у мудреца в голове, то есть на своем месте; это оборот, подобный выражению «руки из плеч», – глаза там, где им положено быть, и мудрец пользуется ими соответственно: «обра-

щая внимание на начало некоего действия, мудрец знает, к чему оно приведет и что будет в конце» (Когелет раба. 2. 16). В рамках традиционного рассуждения о сущем и не сущем святитель Григорий Нисский рассуждает о разнице между мудрым и глупым: «Этим примером (то есть параллелью между мудростью и светом и глупостью и тьмой) Екклесиаст показывает, что порочность не существует сама по себе, но составляется лишением добра... умопредставляемое же противоположным доброду по своей природе не существует... И порочность есть лишение сущего, а не бытие. Потому разница как между светом и тьмою, так между мудростью и безумием одинакова» (Точное истолкование Екклесиаста Соломонова, Беседа 5).

Есть одно «но», которое, с точки зрения Соломона, обесценивает все различия и достижения, – смерть. Это регулярный рефрен книги, все поверяется именно смертью. Мудрость тщетна не сама по себе – то есть Соломон все-таки не крайний нигилист, подвергающий сомнению всякую первооснову мира и социума, отнюдь. Скорее, он – отец экзистенциализма, и для него опыт смерти деноминирует все человеческое. Потому он и заявляет об отсутствии разницы между глупцом и мудрецом и даже о преимуществе глупца, которому неведом экзистенциальный ужас, ввиду его включенности в витальное «сейчас». Отсюда и сокрушение автора – *к чему же я сделался очень мудрым?*

Так же в оценке жизни человека важна для автора тема памяти. Ей будет посвящено отдельное повествование с рядом красочных примеров, сейчас лишь заметим, что ни иудейские, ни христианские комментаторы не соглашались с прямым смыслом данного отрывка. Классик иудейской мысли Раши настаивает на переносном смысле, так как не может допустить общую участь праведного мудреца и грешного глупца: «И я подумал – то есть, раз оба умрут, есть опасность помыслить, что меня ожидает тот же конец, что и злодея. А если так, зачем же мне тогда быть более праведным?» С ним солидарен Григорий Неокесарийский – «мудрый же никогда не имеет одинакового конца с глупым» (Переложение Екклесиаста, 2. 16).

Второй фрагмент посвящен пути деятельному – трудам Соломона, в которых он преуспел так же, как в пути постижения созерцательного.

И возненавидел я жизнь, потому что противны стали мне дела, которые делаются под солнцем; ибо все – суета и томление духа! И возненавидел я весь труд мой, которым трудился под солнцем, потому что должен оставить его человеку, который будет после меня. И кто знает: мудрый ли будет он, или глупый? А он будет распоряжаться всем трудом моим, которым я трудился и которым показал себя мудрым под солнцем. И это – суета! (Еккл. 2:17–19).

Вот она, проблема всякого интеллектуала, детально описанная Соломоном, – неумение пребывать в «сейчас». Описанные несколькими стихами ранее «глаза в голове» мудреца так и тянутся заглянуть за горизонт, увидеть, что будет дальше, после нынешнего момента наслаждения, радости и покоя. С одной стороны – это благой навык, позволяющий мудрому человеку не прельститься сиюминутной притягательностью греха. Именно умение абстрагироваться от удовольствия, предлагаемого сейчас, и увидеть поле его последствий позволяет мудрецу оставаться на пути праведности. Но вторая сторона медали – неумение насладиться негреховным благом, отравив его размышлениями о конечности, обесценив грядущим страданием и смертью.

Таргум (перевод Ветхого Завета на арамейский язык) видит здесь пророчество Соломона, который сокрушается не об абстрактном «том, кто будет после него», но о конкретном положении дел, в котором окажется его страна и плоды всех многочисленных трудов при его сыне Ровоаме: «И возненавидел я все труды в этом мире под солнцем, ведь я оставлю их Рехаваму, сыну моему, который будет царствовать после меня, но придет Яровам (Иеровоам) и заберет у него десять колен, и унаследует половину царства» (Свиток Когелет, 79).

Именно сын Соломона, мудрейшего и тончайшего политика, сумевшего не военными кампаниями, а силой дипломатии и экономики вывести Израиль на до того немислимую высоту, обрушит все отцовские достижения в один момент. Книги Царств повествуют, что своим глупым поведением Ровоам, прислушавшись не к советникам отца, а к своим сверстникам, разрушил единое царство, и оно разделилось на северный Израиль и маленькую южную Иудею, оставшуюся верной дому Давида (3 Цар. 12: 3-16). Еще и идолопоклонство, буйным цветом расцветшее в обоих царствах, также повергло Соломона в отчаяние, отчего он воскликнул: *возненавидел я жизнь и возненавидел я весь труд мой, которым трудился под солнцем.*

Все это суета, которая в итоге не приносит плода. Государственная мощь оказывается столь призрачной, что один глупец, встав у руля, способен превратить ее в **гевель** – «туман».

И обратился я, чтобы внушить сердцу моему отречься от всего труда, которым я трудился под солнцем, потому что иной человек трудится мудро, с знанием и успехом, и должен отдать все человеку, не трудившемуся в том, как бы часть его. И это – суета и зло великое! Ибо что будет иметь человек от всего труда своего и заботы сердца своего, что трудится он под солнцем? Потому что все дни его – скорби, и его труды – беспокойство; даже и ночью сердце его не знает покоя. И это – суета! Не во власти человека и то благо, чтобы есть и пить и улаживать душу свою от труда своего. Я увидел, что и это – от руки Божией; потому что кто может есть и кто может наслаждаться без Него? Ибо человеку, который добр пред лицом Его, Он дает мудрость и знание и радость; а грешнику дает заботу собирать и копить, чтобы [после] отдать доброму пред лицом Божиим. И это – суета и томление духа! (Еккл. 2: 20–26).

Соломон принимает решение абстрагироваться от всех своих результатов – отречься от них он не мог, просто не мог оставить трон. До примера императора Диоклетиана оставалось еще более тысячи лет. Хотя, заметим, еврейская экзегеза, изобилующая крайне своеобразным, мифологическим материалом, утверждает, что Соломон в свое время не соблюдал технику безопасности в общении с князем демонов Асмодеем и был заброшен им в далекие земли, где долгие годы питался подаянием. Якобы именно эти обстоятельства и навели его на мысли, изложенные в Екклесиасте, почему в начале книги он говорит о себе в прошедшем времени: *я был царем в Иерусалиме*, то есть на момент ее написания мог им уже и не быть. Но, повторю, это не более чем одно из иудейских агадических преданий.

Когелет не поборник традиционной мудрости и линейных схем, в последующих главах мы рассмотрим это на ряде отрывков, указывающих на наличие прямого конфликта и противопоставления позиций автора Екклесиаста и автора Книги Притч, например. Но здесь, говоря о трудах, которые предпринимает человек, Екклесиаст все же пытается осмыслить возможное богатство грешника и скудость праведника. Грешник не сможет в полноте насладиться полученным, суета сопровождает процесс накопления, а страх потерять – пользование накопленным. Таким образом, потратив усилия на приобретение богатств, грешник не вкусит от них плода, получит же плод добродетельный праведник.

Но эта простая мысль, как кажется, совершенно неудовлетворительна для Когелета, так как в следующих главах жестко ставится вопрос о благоденствии злодеев и безутешности праведных, но, заметим, автор более не вернется к тезису, возмущавшему и другого известнейшего правдоискателя Ветхого Завета – Иова: *Почему беззаконные живут, достигают старости, да и силами крепки? Дети их с ними перед лицом их, и внуки их перед глазами их* (Иов. 21: 7, 8). Предвидя хороший, правильный и теологически безопасный ответ, Иов восклицает: *[Скажешь]: Бог бережет для детей его несчастье его. – Пусть воздаст Он ему самому, чтобы он это знал. Пусть его глаза увидят несчастье его, и пусть он сам пьет от гнева Вседержи-*

телева. Ибо какая ему забота до дома своего после него, когда число месяцев его кончится? (Иов. 21: 19–21).

Эта тема своеобразно преломляется в Новом Завете, где в одной из притч Христос приводит в пример человека, не успевшего вкусить от своих богатств, приобретенных в общем-то праведным трудом (Лк. 12: 15–21). Притча заканчивается словами: *Так [бывает с тем], кто собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет*, – и они вполне применимы к рассматриваемому нами ветхозаветному тексту. Кстати, несколькими стихами выше (см. Еккл. 2: 21) мы видим обратный пример: собранное праведником в итоге достается нечестивцу. В чем нет недостатка в данном памятнике, так это в обращении к эмпирике.

Не во власти человека и то благо, чтобы есть и пить и услаждать душу свою от труда своего. В Писании нередко встречается выражение «есть и пить» – звучит тема немудреного наслаждения земными благами. Она так проста и линейна, что мудрецы Талмуда приняли решение в каждом упоминании еды видеть указание на нечто принципиально иное: «Всякий раз, когда в этом свитке упоминается пища и питье, речь идет о изучении Торы и добрых деяниях» (Когелет раба, 2:26). Мысль о том, что получение радости от плода трудов своих, в чем автор отказал богатому грешнику, и есть настоящая радость человека на земле, появится в тексте несколько раз. Но лишь здесь Соломон указывает, что это возможно не исключительно благодаря чьей-то успешности, а по воле Божества, как вариант награды, ниспосылаемой от Творца.

Глава 3

Третья глава продолжает последнюю мысль второй о том, что одно из немногих благ, доступных в этой жизни человеку, – наслаждаться делом рук своих. Она начинается с 14 антиномий:

Всему свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное; время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить; время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать; время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий; время искать, и время терять; время сберегать, и время бросать; время раздирать, и время шивать; время молчать, и время говорить; время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру (Еккл. 3:1–8).

Первый стих звучит своеобразным рефреном к каждой из них, или, точнее сказать, каждая из антиномий – иллюстрация к первому стиху.

Также первый стих можно прочесть в связке с последними стихами 2-й главы, где Соломон говорит, что хоть грешник и собирает богатство, но унаследует и вкусит плодов от него праведник. Тогда *всему свое время*, и последующие антиномии, указывающие на негативные и положительные проявления в жизни, как бы иллюстрируют, что на смену убийству придет врачевание, на смену плачу – смех. А на смену богатому нечестивцу – пользующийся его богатством мудрый праведник. К слову сказать, хотя Екклесиаст, как и вся литература мудрости, практически свободен от отсылок к священной истории Израиля, в этом противопоставлении можно усмотреть осмысление подобного рода взаимоотношений праведника Авраама и грешника Фараона (см. Быт. 12:14–20), праведника Иакова и грешника Лавана (см. Быт. 31: 1–9) и наконец народа Израиля и народа Египта (см. Исх. 12: 36).

Большинство иудейских комментаторов видят в первом стихе слово о предопределении: «...нет человека, который не имел бы своего часа, и нет вещи, которая не имела бы своего места», говорит, например, Бен Азай (Пиркей авот, 4: 3). Хотя и между ними звучат голоса, настаивающие на свободе разумных существ: «...в любое время и в любой срок у человека есть право на свободу выбора, в любой момент он выбирает... ломать или строить» (Мло га-омер).

Отцы Церкви видят здесь не более чем указание на своевременность совершаемых человеком земных дел и соглашаются с Соломоном, что в трудах земли всему свое время. Но при этом святитель Василий Великий говорит: вещам божественным, молитве и псалмопению всегда приличное время, что в уединении, что в работе, когда возможно, языком прославь Бога, когда нет удобных обстоятельств – в уме вознеси Ему хвалу (см. Правила, пространно изложенные в вопросах и ответах. Правило 37). Святитель Григорий Богослов указывает, что сколь богословие ни хорошо, однако должно быть своевременно. Он же замечает, что часто именно в деле спасения, о котором апостол Павел говорит: *Вот, теперь время благоприятное, вот, теперь день спасения* (2 Кор. 6: 2), человек проявляет опасную медлительность. Каждый сегодняшней день удобен для обращения к Богу, к принятию Крещения, к Причастию Его святых Тайн и вообще – к изменению жизни в свете Его заповедей. Однако враг спасения останавливает нас не чрезвычайными искушениями, а простым словом «завтра». Дьявол как бы говорит: «Отдай мне настоящее, а Богу – будущее, мне юность, а Богу старость, мне годы удовольствий, а Ему ни к чему не годный возраст» (Слово 40. На Святое Крещение). Нужно заметить – и об этом через 1600 лет после святого Григория скажет Клайв Льюис, – что это одна из лучших уловок дьявола – перенести все наши благие дела в область намерений и никогда их из плена «завтра» не выпустить.

Так же и о всяком времени, не только в природном цикле или в жизни конкретного человека, но и применительно к истории спасения человечества, говорит Тертуллиан: «Плод, в течение времени грубый и бесформенный, понемногу входит в силу и достигает совершенной спелости и вкуса. Так и благочестие – ведь Бог благочестия и творения один и тот же – первоначально существует лишь в зачатке, от природы существуя в страхе Божиим, потом через законы и пророков оно вошло в младенчество, затем посредством Евангелия перешло в отрочество, а теперь с помощью Святого Духа достигает зрелости» (О покрывалах девственников).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.